ГЕРЦЕН И ГЕРМАНИЯ

Статья З. В. Смирновой

Во второй четверти XIX в. в русской литературе сложился вполне определенный, многогранный образ Германии. Вспомним, что, возвратившись «из Германии туманной» в родное Красногорье, Владимир Ленский привез

... учености плоды: вольнолюбивые мечты, дух пылкий и довольно странный,

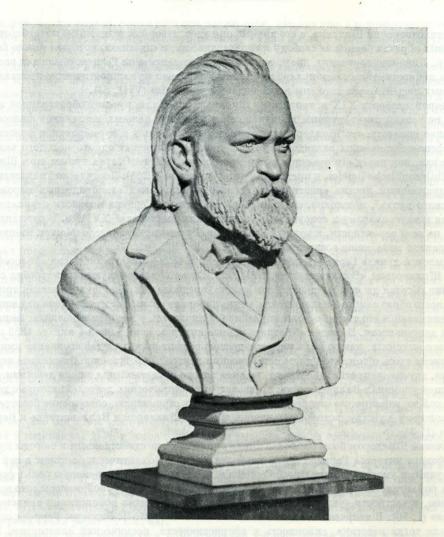
поклонение Канту и душу, воспламененную «поэтическим огнем» Шиллера и Гете ¹. Германия воспринималась образованными русскими людьми как страна поэтов-мечтателей, противопоставляющих свою свободную фантазию убогому миру обыденной жизни «филистеров», страна «метафизики», царившей в германских университетах. Она была также и страной «буршей» — разгульных и вольнолюбивых студентов, из среды которых вышел К. Занд ², воспетый Пушкиным как «юный праведник, избранник роковой» ³. Широко распространенным было и мнение об особенностях Германии в сравнении с другими странами Западной Европы: в отличие от Англии с ее практическим промышленным направлением, в отличие от Франции с ее кипящей общественной жизнью Германия считалась страной умозрения, теории, а не практики, действия. Эти распространенные в русской литературе мнения о Германии вошли и в сознание юного Герцена.

В 1864 г., вспоминая о своих спорах в России со славянофилами, Герцен писал, что тогда он «не знал Запада, т. е. знал его книжно, теоретически» (XVIII, 278). Эти слова с полным правом могут быть отнесены и к представлениям Герцена в 1820—1840-х годах о Германии. Конечно, некоторые сведения о зарубежной жизни Герцен черпал из писем и рассказов друзей, побывавших за границей. Но все же до 1847 г. главным источником герценовских знаний о Германии были книги.

Немецкий язык Герцен знал с раннего детства. В известной мере он был обязан этим матери-немке Л. И. Гааг, в ближайшем окружении которой, по свидетельству родственницы Герцена Т. П. Пассек, разговоры велись только по-немецки 4, а также немке-воспитательнице Е. И. Прово. Изучение языка, несомненно, стимулировалось и рано развившейся «охотой к чтению», о которой Герцен писал в «Записках одного молодого человека» (І, 265). Наряду с романами и пьесами второстепенных и третьестепенных немецких писателей вроде А. Лафонтена и А. Коцебу Герцен читал в детстве и «Страдания юного Вертера», и «Избирательное сродство» Гете — произведения, которые он не мог тогда, конечно, ни понять, ни оценить по достоинству. Подлинная «встреча» с немецкой литературой, обозначившая веху в идейном развитии Герцена и навсегда сохранившаяся в его памяти, связана с именем Шиллера.

В «Былом и думах» Герцен назвал «шиллеровским периодом» своей жизни период, заключивший «первую юность»,— то время, когда сложившийся в университете кружок его друзей еще не распался и продолжал жить «общими симпатиями и фантазиями» (VIII, 150). Называя этот период «шиллеровским», Герцен имел в виду не столько прямое влияние творчества выдающегося немецкого поэта на мысли и чувства членов дружеского кружка, сколько общую атмосферу, царившую в кружке,— «гражданскую экзальтацию», веру в свое высокое призвание, порывы к «идеалу», презрение к пошлости и прозе обывательской жизни. Во всем этом, действительно, продолжали звучать «шиллеровские» мотивы, впервые захватившие Герцена гораздо раньше, в конце 1820-х годов. Именно это время было подлинным началом «шиллеровского» периода его жизни.

Встречу Герцена с творчеством Шиллера точнее было бы назвать *первой* встречей его с не мецким поэтом. К творчеству Шиллера Герцен обращался на протяжении всей своей жизни Каждая из этих «встреч» была окрашена в свой цвет, порой весьма далекий от колорита юноше-

ГЕРЦЕН
Бюст работы немецкого скульптора А. Грасса (гипс), 1858
Выполнен по заказу Н. Трюбнера
10 ноября 1858 г. Герцен писал сыну: «Бюст очень удачен»
Музей Герцена, Москва

ского восприятия. Но во всех этих «встречах» неизменно проступало теплое, лирическое начало, чувство признательности за подаренные поэтом светлые минуты, за свежесть и чистоту чувств и мыслей, заключенных в его творчестве. Не случайно рассказ в «Былом и думах» о своем юношеском увлечении Шиллером Герцен сопроводил в 1853 г. характерным примечанием: «Поэзия Шиллера не утратила на меня своего влияния (...) Тот, кто теряет вкус к Шиллеру, тот или стар или педант, очерствел или забыл себя» (VIII, 84).

В 1820-х годах Шиллер стал особенно близок сердцу Герцена и его друга, «Ника» Огарева, потому, что творчество немецкого поэта оказалось созвучным двум другим влияниям, испытанным юношами, переплелось с этими влияниями. Как писал впоследствии Огарев, переход друзей из детства в отрочество совершился «тремя влияниями, очень родственными между собою», — Шиллера, Руссо и 14 декабря 5. Именно благодаря тому, что Шиллер действовал на умы подростков, уже потрясенных восстанием 14 декабря, уже «осязавших» (по выражению Огарева) факт, воплощенный французским мыслителем в формуле «человек рождается свободным, но повсюду он в оковах» 6, главными в творчестве немецкого поэта стали в то время для Герцена вольнолюбивые, тираноборческие мотивы. Характерно, что предметом наиболее сильного увлечения были

тогда не стихотворения Шиллера, а его драмы: они удовлетворяли тогдашнюю потребность юношей в живых образах борцов за свободу и справедливость, в «идеалах», которым можно было бы подражать. Лица шиллеровских драм, вспоминал об этом времени Герцен, «были для нас существующие личности, мы их разбирали, любили и ненавидели не как поэтические произведения, а как живых людей. Сверх того, мы в них видели самих себя» (VIII, 84).

Во второй четверти XIX в. творчество Шиллера и Гете для русской образованной молодежи было не только литературным явлением, но и одним из важных источников философских идей. Можно полагать, что Шиллер сыграл определенную роль и в формировании философских и философско-исторических взглядов юного Герцена. В «Записках одного молодого человека» он вспоминал, как перед его отъездом в деревню (летом 1829 г.) Огарев принес «том Шиллера, где его «Philosophische Briefe», и предложил читать вместе» (I, 281). Поэтический пантеизм Шиллера, направленный против скептицизма и свободомыслия как «лихорадочных пароксизмов человеческого духа» 7, возможно, способствовал развитию у Герцена в юности отрицательного отношения к материализму и сенсуализму французских мыслителей XVIII в. В отрывке, относящемся, по всей вероятности, к концу 1830-х годов, Герцен признавался: «Может, чтение Шиллера направило меня выше воззрения Вольтера…» (I, 330).

В «Былом и думах» Герцен упомянул о том, что в 1829—1830 гг. он писал «философскую» статью о Шиллеровом «Валленштейне» (VIII, 73). Слово «философскую» он употребил с оттенком иронии. Статья до нас не дошла, но можно предполагать, что шиллеровская трилогия, и прежде всего образ самого Валленштейна, стимулировала размышления Герцена над вопросом, сильно занимавшим его тогда, о роли выдающихся личностей в истории и мотивах, лежащих в основе их деятельности. В статье «Двадцать осьмое января», написанной в январе 1833 г., Герцен пытался выяснить, какую роль играет в деятельности великих людей осознание ими их целей. Он писал здесь о том, что одним историческим деятелям свойственно отчетливое познание своей цели, другие, напротив, действуют, не имея ясного представления о цели действия. В этой связи Герцен упоминал Валленштейна: он назвал ряд исторических деятелей, которые действуют «по какой-то вокации, по непреодолимому, темному стремлению, совершенно безотчетному, по тому мощному чувству, которое так изящно развито Шиллером в Валленштейне и Вернером в Аттиле» (I, 34).

Увлечение Шиллером было наиболее ярким, но отнюдь не единственным в те годы проявлением глубокого интереса Герцена к немецкой литературе. Романтические мотивы в ней оказались созвучными умонастроению юного Герцена и, более того, сыграли немалую роль в формировании его романтически-идеалистического мировоззрения и литературной манеры того времени. Характерно, в частности, увлечение юного Герцена «прелестными сочинениями таинственного Жан-Поля» (І, 70). В творчестве этого немецкого писателя, Ж.-П. Рихтера, Герцена особенно привлекали тогда патетика, склонность к афористичности, космический аллегоризм. Герцен пытался даже подражать Жан-Полю — так, набросок «З августа 1833» он назвал аллегорией «вроде Жан-Поля» (XXI, 24). Склонность к аллегоризму заметна и в произведениях Герцена вятского периода. Но уже в феврале 1838 г. в письме к невесте из Владимира он признавался, что «писал аллегории тогда, когда дурно писал», и добавлял: «Что хочешь сказать, голори прямо» (XXI, 282). В дальнейшем у Герцена складывается отрицательное отношение к творчеству Жан-Поля (хотя некоторые остроумные замечания его приводятся в «Дилетантизме в науке» и в «Письмах об изучении природы»). Не отказывая Жан-Полю в таланте и богатстве воображения, Герцен отзывается о его произведениях как о «ряде гениальной галиматыи» (XVI, 178). В 1867 г. в связи с чтением книги Т. Карлейля о Великой французской революции Герцен писал: «У него (т. е. у Карлейля) картины хороши, а рассуждения à la Jean-Paul Richter ins Blaue Hinaus *» (XXIX, 230).

Увлеченность в ранней юности романтизмом в известной мере затруднила и ограничила тогда герценовское восприятие Гете. В начале 1830-х годов Герцен был знаком, конечно, со многими поэтическими и прозаическими произведениями Гете: еще в детстве он плакал над трагической судьбой Вертера, а позднее, как и многие его сверстники, был очарован поэтическим образом Миньоны. Но, очевидно, он сознавал необходимость более полного знакомства с творчеством великого немецкого поэта. В письме к Огареву от 5 июля 1833 г., сообщая другу о намечаемой программе самообразования после окончания университетского курса, он писал: «...первая задача, которую себе предложил я,— изучить Гете. Шиллер — бурный поток, издали слышен

^{*} Как у Жан-Поля Рихтера — пальцем в небо (франц.).

треск и шум, волны ярятся, и едва пустишь ладию свою, как она уже в водовороте; не таков Гете, он глубок, как море, нет определенного течения, и тихо зыблются его полные упругие волны» (XXI, 17).

Трудно сказать, как именно задача «изучить Гете» выполнялась Герценом до ссылки. Но, судя по тому, что первоначальная редакция рассказа «Первая встреча» («Германский путешественник»), в центре которого — образ Гете, была написана в декабре 1834 г., можно думать, что Герцен следовал намеченной им «программе». Несомненно, во всяком случае, что в 1833 и первой половине 1834 г. немецкая литература была предметом серьезного внимания Герцена. В это время им был написан ряд статей (в ответе на следствии Герцен назвал их «разборами и этюдами»), в значительной мере посвященных немецкой литературе, и сделан сокращенный перевод (или изложение) книги В. Кузена «Состояние народного просвещения в некоторых странах Германии». Работа над переводом книги Кузена была закончена к лету 1834 г. Можно, однако, предполагать, что именно знакомством с этой книгой навеяны мысли, высказанные Герценом в письме к Огареву 31 августа 1833 г. и связанные с сильно занимавшей в то время его ум проблемой общественной «палингенезии» — обновления мира, которое должно последовать за «веком анализа и разрушения», завершившимся Великой французской революцией. В этом письме Герцен высказал предположение, что страной, где начнет строиться «новое, огромное здание обновления», будет Германия, которая начала «с просвещения». Герцен исходил здесь из почерпнутого им в немецкой философии тезиса, согласно которому каждый народ «выражает одну идею». Поскольку Франция в XVIII в. выразила идею «разрушения», идею «обновления» должна будет выразить другая страна. В предположении, что такой страной может стать Германия, сказалось не только влияние Кузена, положительно отзывавшегося в своей книге о Пруссии, но и характерное в то время для Герцена, как и для многих других представителей образованной русской молодежи, признание крупных достижений Германии в области науки, литературы и философии. В конце письма Герцен писал, что высказанную здесь мысль он собирается обработать «в статье для друзей» (XXI, 26). Осуществил ли он этот свой замысел — неизвестно. Разъясняя в следственной комиссии смысл своих высказываний в письме, адресованном Огареву, Герцен добавил в конце, что он «ныне не совсем согласен с мнением, тогда изложенным» (XXI, 422). Нельзя сказать с уверенностью, что эта оговорка отразила действительные изменения во взглядах Герцена. В его письмах и сочинениях 1830-х годов сохраняется высокая оценка состояния просвещения в Германии.

К числу посвященных немецкой литературе «разборов и этюдов» принадлежит его статья «Гофман» (1833—1834) — первая опубликованная его работа. Много лет спустя Герцен, советуя дочери читать Э. Т. А. Гофмана, писал ей, что в молодые годы он читал его «с восхищением» (XXVII, 67). Свою статью о Гофмане он назвал «детской, но забавной» и намерен был включить ее в сборник своих работ (XXX, 44).

В «Гофмане» ясно выразились романтическое умонастроение автора и созвучность этого умонастроения романтической немецкой литературе.

Герценовское восприятие Гофмана еще пронизано романтической патетикой. В основании статьи — типично романтическое представление о художнике, чья душа «отделена от души обыкновенного человека», являет собой «храм идеала, к которому рвется художник», и преисполнена «бурных страстей». Повести Гофмана, по мнению Герцена, представляют «самое полное развитие жизни художника во всех фазах ее» (I, 73). В романтический цвет окрашено и восприятие Герценом гофмановского «юмора».

Герцен искренне восхищается богатой, причудливой фантазией Гофмана, считает его художником «с душою сильной и глубокой» (I, 71). Но в то же время в статье явственно звучат ноты неудовлетворенности тем направлением немецкой литературы, к которому принадлежит Гофман. Неудовлетворенность вырастает из ощущения односторонности этого направления, его оторванности от современных общественных вопросов. По мнению Герцена, Германия — «страна писания и чтения», страна, живущая «в кабинетах и библиотеках», страна, в которой литература стала национальной «болезнью», ибо заменила собой живую общественную, гражданскую деятельность, — такая Германия уходит в прошлое. Для Герцена Гофман, «занятый до того концертами, что не заметил приближения Наполеона, есть тип прошедшего, сверхземного направления литературы германской». Теперь, когда Германия «проснулась при громе Лейпцигской битвы», на сцену выступает новое поколение, «более земное, более национальное» (I, 65). К этому поколению Герцен относит Гейне, бичующего прошлое своим ядовитым пером.

В статье о Гофмане, написанной еще в духе романтизма, уже намечаются контуры той критики разрыва в немецкой литературе и философии мысли и действия, которая позднее станет одним из ведущих мотивов герценовской мысли.

Вятская ссылка была, как известно, наиболее «романтическим» периодом в жизни Герцена, когда занимавшие его «общечеловеческие, современные вопросы» приобретали «субъективномечтательный цвет» и религиозно-мистическая экзальтация налагала отпечаток на все его мысли и чувства. В Вятке Герцен неизмеримо острее, чем прежде, ощутил тот разлад между стремлением к «идеальному» и пошлой прозой реальной жизни, который и ранее был одним из источников его романтического умонастроения. И с новой силой в это время душа его рванулась к поэту чистых чувств и благородных стремлений — к Шиллеру.

Эта новая встреча с Шиллером имела свои особенности: ее окрасило романтическое чувство к будущей жене Герцена — Н. А. Захарьино... Особую притягательную силу получили теперь «идеальные», «сверхземные» мотивы и устремления шиллеровского творчества; предметом восторженного поклонения стали образы Теклы и Орлеанской девы. Таким восприятием Шиллера наполнены вятские письма Герцена к Н. А. Захарьиной: «...ты развилась дивно, чудесно; все, что мечтал пламенный Шиллер, создавая свои небесные идеалы, все в тебе горит» (XXI, 116). «Один Шиллер, друг моего детства (...) один он дивен; он знает именно нашу любовь (...) Я искал созвучия, и Шиллер подал мне его» (XXI, 233).

Романтическая увлеченность поэтическими образами немецкой литературы поддерживалась у Герцена в Вятке и его дружескими отношениями с молодой немкой, родственницей вятского аптекаря,— Полиной Тромпетер. Полина, вспоминал позднее Герцен, «убаюкивала меня песнями своей Германии, песнями своего Шиллера...» (I, 324).

Как ни глубоко был захвачен Герцен романтически-экзальтированной влюбленностью, она не поглощала его полностью: «...у меня,— писал он позже о вятском периоде,— никогда не было жизни, так сосредоточенной в личных отношениях, чтоб хоть на время забыть всеобщие интересы...» (II, 234).

Серьезные раздумья Герцена над «всеобщими» социальными проблемами сказались в его

рассказе «Первая встреча» («Германский путешественник»).

«Первая встреча» занимает видное место в истории идейного развития Герцена. В ней яснее, чем прежде, обрисовались контуры одной из центральных идей социальной философии Герцена — идеи «одействотворения» мысли, убеждений. В аспекте же непосредственно интересующей нас здесь темы этот рассказ чрезъычайно важен как характеристика отношения молодого Герцена к Гете. «Первую встречу» можно считать своеобразным итогом герценовских размышлений о творчестве Гете в начале 1830-х годов и первым выражением тех оценок великого немецкого писателя, которые в значительной мере сохранятся у Герцена в дальнейшем.

Основной мотив, пронизывающий «Первую встречу», — мотив двойственности Гете 8. Наружность Гете «подавляла, угнетала», его глаза «блистали так, как у Наполеона, намекая издали на обширность души», и в то же время рассказчик недоумевает, как «Зевсова голова» оказывается на плечах «веймарского дипломата» (І, 112—113). Гете, несомненно, велик, но этот великий человек не способен понять «огромное явление», событие, имеющее важнейшее значение для судеб всей Европы, — Великую французскую революцию; его суждения о ней филистерски ограниченны, мещански пошлы. Устами «германского путешественника» Герцен решительно осудил не только отношение Гете к Французской революции, но и то, что принято называть «олимпийством» Гете и что порой оборачивается мелочным эгоизмом. Мысль о «двойственности» Гете прекрасно выражена «путешественником», мнение которого, несомненно, разделяет и автор: «Я готов преклонить колена пред творцом "Фауста", так же как готов раззнакомиться с тайным советником Гете, который пишет комедии в день Лейпцигской битвы и не занимается биографиею человечества, беспрерывно занимаясь своею биографиею» (І, 120).

Рассказ «германского путешественника» Герцен включил в переработанном виде в «Записки одного молодого человека», вложив его в уста поляка Трензинского. О Гете и своем отношении к нему и Шиллеру он упомянул и в предшествовавшей рассказу Трензинского автобиографической части «Записок».

На рубеже 1830—1840-х годов сопоставление Шиллера и Гете приобрело в русской литературе (так же как немного ранее в самой Германии) своеобразное звучание и острый политический смысл. В то время оно использовалось Белинским для защиты идеи «примирения с действительностью». В известной статье «Менцель — критик Гете» (1840) Белинский, противопоставляя Шиллеру «чисто художнический» гений Гете, открыто защищал политический индифферен-

тизм последнего. Отношение Герцена к Гете, выразившееся в «Записках одного молодого человека», приобретает в этой связи особый интерес.

Нам представляется достаточно обоснованным мнение, что критика Трензинским политического индифферентизма Гете в значительной мере выражает взгляды самого Герцена и полемически направлена против трактовки Гете в статьях Белинского периода «примирения с действительностью».

В предисловии ко второму изданию «Кто виноват?» (1859) Герцен, упоминая о «Записках одного молодого человека», писал, что в них «заметно сильное влияние гейневских "Reisebilder"» (IV, 7). О том, что в «Записках» остался очевидный «след» Гейне, он говорил и в предисловии к «Былому и думам» (VIII, 11).

Гейне был одним из тех крупных деятелей немецкой литературы, чье творчество серьезно заинтересовало Герцена уже в 1830-х годах и оказалось родственным, близким ему.

Выше упоминалось о том, что еще в статье «Гофман» Герцен назвал имя Гейне как представителя нового, более современного и «земного» направления в немецкой литературе. К тому времени он был уже знаком с «Романтической школой» Гейне. Он много и с увлечением читал Гейне в Вятке.

В 1840 г. в письме к А. Ф. Каппелю Герцен охарактеризовал Гейне (имея в виду «Путевые картины») словами «милый, живой, избалованный (...) и притом глубоко поэтический» (XXII, 70). Несомненно, эти черты немецкого поэта были близки Герцену — живому, остроумному, любящему шутку и каламбур, умеющему ценить свободную игру воображения. Но, пожалуй, главной привлекательной чертой в Гейне была тогда для Герцена его ирония. Не случайно именно «бичующую иронию» Гейне он отметил в статье о Гофмане. Обстановка вятской жизни способствовала уяснению Герценом того, что ирония близка его натуре и свойственна его литературному дарованию. Он ощутил в своей душе «странную двойственность»: любовь и вера уживались в ней с «самой злой, ядовитой» иронией (XXI, 261). Шиллер — поэт души нежной и чистой — не вмещал в себя, не выражал иронии, все яснее проступавшей в герценовском мироощущении. Можно думать, что иронический голос Гейне оказывался во многом созвучным этому мироощущению.

Прослеживая отношение Герцена к немецкой литературе в 1830-х годах, можно видеть, как в этом отношении отражался растущий жизненный опыт, как расширялось и углублялось восприятие этой литературы. Душа Герцена отозвалась и на «благородные, энергические, увлекательные» чувства Шиллера (I, 278), и на прихотливую фантазию Гофмана, и на «морскую глубину» Гете, и на злую, ядовитую иронию Гейне. Но при этом мысли и чувства немецких писателей, возбуждая отклик в душе Герцена и оказывая влияние на его развитие, преломлялись через одно основное чувство, одну основную мысль, жившие в его душе, — революционный протест против существующего общественного порядка, стремление к активной борьбе за переустройство общества. Именно поэтому в отношении молодого Герцена к немецкой литературе так явственно ощутимы критические ноты, о которых мы говорили выше. Идейное развитие Герцена в своем главном направлении шло по пути преодоления романтического восприятия мира. В 1840-х годах Герцен окончательно «свел счеты» с романтическими увлечениями своей юности. Он не только освободился в то время от влияния романтизма, но и попытался теоретически осмыслить и критически оценить романтизм.

Герценовское отношение к романтизму отнюдь не однозначно. И объясняется эта неоднозначность в первую очередь тем, что одним из важнейших элементов мысли Герцена в 1840-х годах стал историзм. Отсюда — проводимое Герценом различие между «романтизмом средних веков», который был исторически закономерной ступенью в развитии человеческой мысли и, несмотря на свою односторонность, был в некоторых отношениях шагом вперед по сравнению с культурой античности, и «неоромантизмом», т. е. романтизмом конца XVIII — начала XIX в. Последний также имеет свои исторические причины: Герцен связывал его с общественным умонастроением, порожденым наполеоновскими войнами и Реставрацией. Но, по убеждению Герцена, «возрождение» романтизма — явление временное, ибо романтическое миропонимание не соответствует реалистическому духу XIX столетия, не отвечает потребностям современного человека.

Можно, пожалуй, упрекнуть Герцена в некоторой недооценке значения и художественной ценности немецкого романтизма. Но в 1840-х годах время для всесторонней объективной исторической оценки этого сложного явления еще не настало — достаточно сказать, что споры вокруг него продолжаются и в наши дни. Преодоление же Герценом в то время ряда романтических

идей, воздействовавших на него ранее, несомненно, было значительным шагом вперед в его идейном развитии.

В формировании у Герцена критического отношения к романтизму значительную роль сыграли произведения Гейне «К истории религии и философии в Германии» и «Романтическая школа». Влияние Гейне сказалось и в общем характере герценовской критики — ее направленности в первую очередь против спиритуалистических элементов романтизма, и в проводимом Герценом вслед за немецким поэтом сближении романтизма с католицизмом и с особенностями развития Германии. Так, характеризуя немецкую литературу до Лютера, Гейне утверждал, что она представляет собой смесь двух разнородных начал, в конце концов слившихся воедино. «Эти начала— германская национальность и индо-гностическое, так называемое католическое, христианство» 9. Аналогичную мысль высказывает Герцен в статье «Дилетанты-романтики»: по его словам, романтическое воззрение — «почти исключительная принадлежность католицизма; в нем, как во всем католическом, спаялись два начала — одно, почерпнутое из Евангелия, другое — народное, временное, более всего германическое» (III, 31). Можно установить и ряд других моментов, сближающих герценовские взгляды на романтизм со взглядами Гейне.

В 1840-х годах произошла третья встреча Герцена с Шиллером. Но на этот раз Герцен встретился не с творцом «Разбойников» и не с создателем образа Теклы, а с автором «Писем об эстетическом воспитании». 13 июля 1843 г. Герцен писал в дневнике: «Читал "Von der ästhetischen Erziehung der Menschheit" Шиллера. Великое и пророческое творение, оно, как Лессингово воспитание человечества, предупредило многим свое время (...) Шиллер пошел с точки зрения Канта, а какие сочные, жизненно прекрасные плоды,— он далеко перешел взгляд критической школы. Тут, как в некоторых страницах Гете, первые аккорды, поэтические и звучные, новой науки...» (II, 298). Эта оценка Шиллеровых «Писем» отразилась в первой статье о публичных чтениях Грановского (1843). Герцен упрекнул Т. Н. Грановского за то, что тот «слишком скудно определил влияние Канта на историю», и в качестве примера плодотворности такого влияния указал на Шиллера и его «Письма об эстетическом воспитании человечества». По словам Герцена, «эта диссертация в письмах — колоссальный шаг в развитии идеи истории» (II, 114).

С большим основанием можно считать, что эта высокая оценка не была связана с выдвинутой здесь Шиллером концепцией искусства как игры и как пути, ведущего к изменению человека и общества. Эта концепция никак не отразилась в работах и письмах Герцена и не могла быть ему близка — она явно противоречила его революционным и социалистическим убеждениям. Характеристика «Писем», данная в статье о чтениях Грановского, позволяет думать, что это произведение привлекло Герцена прежде всего своим историческим оптимизмом, идеей развития человечества от «государства необходимости» к «государству свободы». Должна была импонировать Герцену и одна из центральных идей «Писем» — идея гармонического, свободного развития человека, преодоления разрыва физического и духовного в человеке, восстановления целостности человеческой природы. Наконец, Герцен сошелся с автором «Писем об эстетическом воспитании» и в понимании долга: не случайно в «Письмах об изучении природы» он процитировал известные строки Шиллера из стихотворения «Философы», направленные против кантовской трактовки долга.

Новые стороны раскрылись Герцену и в творчестве Гете. Герцен воспринимает в это время Гете прежде всего как великого реалиста, противопоставляя его романтикам. «Гете,— говорилось в статье «Дилетанты-романтики»,— был, по превосходству, реалист, как Наполеон, как вся наша эпоха; романтики не имеют органа понимать реальное» (III, 40). Реализм Гете трактуется Герценом в самом широком смысле — как мировоззрение, основанное на чувстве и понимании реальной действительности, на «сочувствии» с жизнью. Особенно близким оказалось для Герцена в то время гетевское восприятие природы. Ко второму из «Писем об изучении природы» Герцен приложил статью Гете «Природа». Характеризуя ее как «образец художественного глубокомыслия Гете», он писал: «Трепет сочувствия к жизни, к живому пробегает по всем строкам, каждое слово дышит любовью к бытию, упоением от него» (III, 138).

Как известно, работая над «Письмами об изучении природы», Герцен возобновил начатые в университете занятия естественными науками; он серьезно занимался, в частности, анатомией. Эти занятия возбудили интерес Герцена к естественнонаучным трудам Гете. В 1844 г. он записал в дневнике: «Читал гетевские сочинения по части естествоведения; что за исполин (...)». Чрезвычайно интересно следующее за этими словами замечание, показывающее, что он не отделял в Гете поэта от ученого: «Поэт не потерялся в натуралисте, его наука точно так же — поэзия жизни, реализма, с таким же пантеистическим характером и с тою же глубиною» (II, 388).

Wöhentlich erscheinen brei Rummern, Braumerations Deris 223 Silberge, (§ Thie.) vierteisbeitich, 3 Thie. für das gang Jahr, ohne Erböhung, in allen Theilen ber Preußischen Menarchie.

Magazin

Pranumerationen werben von jeder Buchbandtung (in Berlin bei Bett u. Comp., Idgerffroffe Rr. 215), fo wie von allen Königl. Poft-Memtern, angenommen.

für bie

Literatur des Auslandes.

M 43.

Berlin, Connabend ben 10. April

1847.

Rugland.

Blide auf die ruffifche Literatur im 3. 1846 und 1847.

1. Dopojefeli und Gogol, - Die natürliche Schule. - Jefander. - Butfoff.

Das verfiossen Jahr (1846) trägt alle Kennzeichen einer Uebergangs-Goche an sich. Während bieses ganzem Zeitraums ging in der rulfsichen literartschen Weit eine ziemlich ungewöhnliche Gährung vor: es trennten sich mehrere somyafte Massen, welche zeitslen und abermals neue Gruppen bildeten; die frischen Klänge junger Possungen mischen sich mit dem heiseren Gertächz eines schon halb ertlicken verzweissendem Wutgeseules. Und das Ganze lösse sich auf in Programme und Anfaindigungen über die im I. 1847 zu erscheinenden periodischen Blätter. Somit war in literarticher Beziehung das Jahr 1846 nur ein sür 1847 genommenen klauf, an und sür sich der est eine selbkändige Bedeutung. Roch zu Ansgang des J. 1845 wurde von den literartischen Veiletanten die trösstüge Auser von Ercheinen eines

terfcilberungen behaupten, Die "Memoiren eines Bahnwißigen" vielleicht ausgenommen. In biefer Beziehung tann man bie Schriften Gogol's in ber That eine afthetifde Statiftif Ruglands nennen. Bet Doftojeffett finden fich gleichfalls bie treffendften, funftlerifc ausgeführten Schilberung ber Gefellichaft, boch bilben fie bet ibm ben hintergrund bes Bilbes und find großentheils nur mit fo feinen Strichen angebeutet, baß fie in ber Daffe bes angiebenben pfpcologifchen Materials ganglich verfdwinden. Go ift in ben "Armen Leuten" bas Intereffe, welches die Analpfe ber borgeführten Charaftere erregt, ohne Bergleich ftarfer als ber Einbrud, ben bie lebhafte Schilberung ber fie umgebenben Sphare auf ben Lefer hervorbringt. Bir find übergeugt, bag, je mehr man ber lefture bes Romans Beit einraumt, befto flarer Die Buge tiefer pipchologischer Analyse bor ben Geift bes Lefers treten unb Doffojeffeli's Productionen, jum zweiten ober britten Dale gelefen, erflaunlich gewinnen werben, ja fogar bag gerabe bas baufig als bes Berfes eigentliches Berbienft erfannt werben wirb, mas beim erften Blid bem Lefer und Rrititer ale ein Mangel ericien. Der "Doppelganger" fand bei weitem geringere Theilnahme ale bie "Armen Leute", was nach unferer Deinung noch wentaer

СТАТЬЯ К. ЛИППЕРТА «ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ В 1846 и 1847 гг.» «Magazin für die Literatur des Auslandes», 10 апреля 1847 г.

Страница первая (фрагмент) Статья содержит оценку творчества Герцена

Своей глубиной гетевское воззрение на природу обязано, по мнению Герцена, тому сочетанию эмпиризма и теоретической мысли, которое необходимо для плодотворного развития как естествознания, так и философии. В естественнонаучных работах Гете Герцен находил «реальное, истинное понимание природы», «спекулятивную эмпирию». Он почувствовал и по достоинству оценил диалектические мотивы в гетевском понимании природы: недаром, критикуя в своих философских работах попытки метафизически разделить внутреннее и внешнее, силу и проявление и т. д., утверждая единство, взаимосвязь, переходы друг в друга этих категорий, он ссылался в подтверждение своих взглядов на строки философских стихотворений Гете.

Еще одна сторона в творчестве Гете привлекла внимание Герцена. Раздумье над проблемами любви и брака обратило его мысль к роману Гете «Избирательное сродство». Роман этот вызывал тогда у молодой русской интеллигенции особый интерес в связи с занимавшим ее умы «гегелизмом», и в частности гегелевской трактовкой брака. Идеалистически-гегельянский взгляд на брак был высказан в посвященной роману Гете работе немецкого критика Г. Т. Рётшера, оживленно обсуждавшейся тогда в близких Герцену кругах. Герцен находил глубоко ошибочной Рётшерову трактовку романа, в котором немецкий критик усмотрел лишь художественное воплощение «нравственной идеи брака». Герцен, напротив, видел в романе глубокое содержание, он считал, что Гете «нисколько не думал написать моральную притчу, а разрешал для себя мучительный вопрос о борьбе формализма брака с избирательным сродством» (ХХІІ, 101).

Отрицая гегельянский взгляд на брак и признавая права любви, Герцен в то же время осуждал как узкую и недостойную человека жизнь, сведенную лишь к миру «сердечных отношений». В этой связи он противопоставлял Эдуарда из «Избирательного сродства» другому персонажу романа — архитектору, у которого любовь вошла «великим элементом» в жизнь, но «не поглотила, не всосала в себя других элементов». В этой же связи Герцен вспоминал о Вертере, «нежная, добрая» душа которого представляется теперь ему ограниченной, ибо вся она поглощена лишь одним чувством — любовью к Шарлотте. Вспоминая, как в свое время он плакал над пе-

чальной судьбой Вертера, Герцен признавался: «Жаль его, а ведь пустой малый был Вертер!» (II, 68).

В 1840-х годах формируются главнейшие принципы философско-материалистических воззрений Герцена. Он стремится преодолеть дуализм духа и тела, природы и человеческого сознания. С этого времени ведет свое начало борьба Герцена против спиритуализма, разрыва телесного и духовного начал, религиозного уничижения плоти — борьба, занявшая важное место во всей его теоретической деятельности. И вновь, как и в предыдущее десятилетие, немецкая литература оказывается (хотя и по-иному, чем прежде) одним из факторов, способствующих развитию герценовского мировоззрения. И Шиллер, и Гете, и Гейне — каждый, разумеется, по-своему — помогают формированию у Герцена идеи «реабилитации» чувственной, природной стороны жизни, идеала гармонически развитого человека — идеала, равно враждебного и бездуховной гипертрофии чувственности, и противоестественной религиозной аскезе.

Вместе с тем зрелость философских идей Герцена способствовала расширению и углублению его суждений о немецкой литературе. Творчество крупнейших деятелей этой литературы рассматривается им теперь в более широком историческом контексте развития немецкой культуры.

* * *

Рассказывая в «Былом и думах» об увлечении русской молодежи 1830—1840-х годов философией Гегеля, Герцен признал, что, несмотря на сказавшиеся в этом увлечении крайности и ошибки, школа «гегелизма» была чрезвычайно важна и плодотворна для развития русской мысли. «Я думаю даже, — писал он, — что человек, не переживший "Феноменологии" Гегеля и "Противуречий общественной экономии" Прудона, не перешедший через этот гори и этот закал, не полон, не современен» (IX, 23). Для самого Герцена немецкая классическая философия, в особенности философия Гегеля, действительно была «горном», пройдя через который его мысль сформировалась, закалилась и выявила свою оригинальность.

С немецкой идеалистической философией конца XVIII — начала XIX в. Герцен познакомился впервые во время пребывания в университете. В заметке «Несколько слов о лекции г-на Морошкина...» (исследователи относят эту заметку к концу 1833 — первой половине 1834 г.) он отметил, что «германскую философию мы узнали через Веланского, Павлова и Галича», которые «первые сказали нам о Шеллинге и Окене». Лекции Ф. Л. Морошкина он охарактеризовал как «новое усилие» познакомить русскую публику с философией права и «с новейшим германским воззрением» (I, 319—320). Мы не располагаем сведениями о том, какие именно произведения Д. М. Велланского и А. И. Галича были известны Герцену в 1830-х годах. Что же касается М. Г. Павлова — профессора Московского университета, читавшего курс физики и ряд других, связанных с естествознанием курсов, то с большим основанием считается, что его лекции — один из главных источников знакомства молодого Герцена с философией Шеллинга, в особенности с натурфилософией немецкого мыслителя. О роли философской пропедевтики в лекциях Павлова и о ее шеллингианском духе Герцен писал впоследствии в «Былом и думах».

Идеи философии Шеллинга (раннего периода) отразились в первой философской работе Герцена «О месте человека в природе» (1832) и в его кандидатском сочинении «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника» (1833). Влияние Шеллинга сказалось не только в общем идеалистически-пантеистическом понимании мира, выраженном в этих работах, но и в следовании «динамической теории» вещества, и в том, что «соединение противуположностей» рассматривалось как «один из главнейших законов природы» (І, 17). Герцену, с его рано развившимся чувством природы и интересом к естествознанию, импонировало обращение Шеллинга к философскому истолкованию природы. В своей первой философской работе он вслед за Шеллингом упрекает Фихте за то, что тот «за своим я не разглядел природы» (І, 24), о Шеллинге же он пишет, имея в виду в особенности «Vom academischen Studium»: «Какие высокие мысли, какое понятие о природе, о науках» (І, 25).

Вместе с тем названные работы Герцена показывают, что уже в то время он отнюдь не был склонен видеть в философии Шеллинга последнее слово философской науки, систему, способную дать ответы на все вопросы современного человека и научного знания. Напротив, он считал, что Шеллинг лишь наметил направление, в котором должна развиваться философская мысль, обратил ее к природе, выдвинул требования к современной философии, назвал ее проблемы; решение же этих проблем принадлежит будущему. «Придут другие, которые выполнят его требования, будем благодарны и ему, он указал их» (I, 25).

Критическое отношение к философии Шеллинга, сознание необходимости дальнейшего развития философской науки ясно выражены в письме к Огареву от 1—2 августа 1833 г. В ответ на восторженный отзыв Огарева о Шеллинге Герцен писал своему другу: «Ты сделался шеллингистом. Это, впрочем, недурно — но отчасти. Ибо надобно приложение (...) Шеллинг — поэт высокий, он понял требование века и создал не бездушный эклектизм, но живую философию, развертывающуюся на одном начале, из коего она стройно развертывается. Фихте и Спиноза — вот крайности, соединенные Шеллингом. Но нашему брату надлежит идти далее, модифицировать его учение, отбрасывать ipse dixit * и принимать не более его методы. Причина: Шеллинг дошел до мистического католицизма, Гегель — до деспотизма!» (ХХІ, 21).

Взгляд на Шеллинга как на мыслителя, который понял или, вернее, угадал «требование века», т. е. необходимость монистического объяснения мира, уничтожения дуалистического разрыва между мышлением и бытием, но не смог дать удовлетворительный ответ на это требование, сохранился у Герцена и в дальнейшем и был высказан в его философских работах 1840-х годов. В этих работах выражено также резко критическое отношение к мистическому направлению мысли позднего Шеллинга.

Письмо к Огареву показывает, что уже в 1833 г. Герцен отрицательно оценивал политические взгляды Гегеля. Трудно сказать, из какого именно источника почерпнул он тогда сведения о Гегеле. Возможно, этим источником была книга Кузена, о которой говорилось выше, но и в России имя великого немецкого философа не раз упоминалось в журналах того времени.

Религиозно-мистические увлечения Герцена в вятской ссылке отодвинули на второй план его интерес к немецкой классической философии. Интерес этот вновь ожил в 1838—1839 гг. во Владимире. Но теперь главным предметом внимания Герцена стала — и надолго — философия Гегеля.

Обращение Герцена к философии Гегеля не было случайным. К концу 1830-х годов все яснее стало обнаруживаться противоречие между «реальной натурой» Герцена, чуждой мистике, и характерными для работ вятского периода попытками поставить откровение выше разума, религиозно-мистическую экзальтацию выше трезвого знания. Не удовлетворяясь уже религиозным воззрением, но и не решаясь еще порвать с ним, Герцен пытается как-то соединить его с рациональным знанием. Философия Гегеля показалась ему вначале путем к такому соединению. В 1838 г. он писал: «Нынешняя немецкая философия (Гегель) очень утешительна, это слитие мысли и откровения, воззрения идеализма и воззрения теологического» (XXI, 394). Он усматривал также в гегелевской системе «пантеизм» (XXII, 12). В то время Герцен еще не знал работ самого Гегеля, главным источником его сведений о немецком мыслителе была «История немецкой философии» Баршу де Пенхоена (1836).

Особенно сильным толчком, направившим мысль Герцена к серьезному изучению Гегеля, было глубокое возмущение идеей «примирения с действительностью», которую проповедовали в конце 1830-х годов Белинский и Бакунин, основывавшие эту идею на гегелевской философии. В декабре 1839 г. произошло резкое столкновение Герцена с Белинским, доводившим тогда идею «примирения с действительностью» до оправдания русского самодержавия. Вступив в спор с Белинским и Бакуниным, Герцен, как он писал впоследствии в «Былом и думах», «увидел необходимость ех ірѕо fonte bibere ** и серьезно занялся Гегелем» (ІХ, 23). Основательное изучение работ Гегеля было начато Герценом, по всей вероятности, в 1840 г. и продолжалось в Новгороде и Москве. Герцен широко знакомился, несомненно, и с немецкой литературой о Гегеле и о различных направлениях немецкой философии 1830—1840-х годов.

Герцен не раз называл Гегеля «великим мыслителем». Он искренне восхищался «живым, всеобъемлющим» учением немецкого философа. Более того, глубину, мощь, пластическую выразительность логической мысли Гегеля Герцен ощущал эстетически, он воспринимал эту мысль как логическую поэзию (см. 11, 381). Но как бы велико ни было восхищение Герцена «мощным гением» Гегеля, этому восхищению всегда сопутствовала убежденность в том, что гегелевская философия не заключает и не может заключать в себе всю истину, что ее должно рассматривать не как гавань, к которой приплывает мысль, чтобы успокоиться в достигнутом знании, а как берег, от которого современная мысль отталкивается, чтобы плыть к новым пристаням.

В «Былом и думах» Герцен писал, что «русский дух» по-своему переработал гегелевское учение; Герцен был совершенно прав. И в той «переработке», которая обнаружила зрелость, оригинальность и революционную устремленность передовой русской мысли, одно из главных мест принадлежало ему самому.

^{*} сам учитель сказал (лат.).

^{**} испить из самого источника (лат.).

Философские работы Герцена того времени и его дневниковые записи показывают достаточно ясно те направления его мысли, в которых выявилась «переработка» им гегелевского учения.

Одно из таких направлений связано с пониманием самой философии, ее отношения к другим наукам и ее назначения.

Вопрос о предмете, месте среди наук и назначении философии освещен в цикле блестящих статей Герцена под общим названием «Дилетантизм в науке». В статьях этих явственно ощущается влияние ряда идей Гегеля, в особенности идей «Феноменологии духа» (идеи объективной истинности философского знания, его закономерного поступательного движения, целенаправленности развития знания и т. д.). Порой Герцен прямо ссылался на мысли, высказанные Гегелем в «Феноменологии духа».

Однако гегелевское понимание философии далеко не полностью удовлетворяет Герцена. Несомненная заслуга Гегеля — в том, что он показал движение мысли в истории от «естественного сознания» к «истинному знанию». Но при этом сама история предстала у него лишь как процесс самопознания духа; знание духом самого себя, своей сущности — свободы — оказалось целью и вместе с тем завершением всемирной истории. Высоко ценя мысль Гегеля о духе как деягельном по природе своей, Герцен вместе с тем находил, что немецкий мыслитель «более намекнул» на эту мысль, нежели развил ее. И хотя Гегеля нельзя ставить на одну доску с «настоящими формалистами» — правыми гегельянцами, однако и он «впадал много раз в немецкую болезнь, состоящую в признании ведения последней целью всемирной истории» (III, 82). Такой взгляд и вызывает решительный протест Герцена. Представлению о знании как цели истории он противопоставляет «одействотворение» знания, претворение его результатов в жизнь, требующее преобразования жизни (III, 69—70).

Развитие идеи «одействотворения» философского знания переплеталось у Герцена с другим направлением «переработки» философии Гегеля— с критикой гегелевского взгляда на отношение мышления и бытия.

Герцен находил, что из всех философов прошлого и современности Гегель ближе всего подошел к пониманию действительного отношения мышления к бытию. Заслугу Гегеля он видел в показательстве того, что бытие и мышление следуют в своем развитии единым законам. Гегель «раскрыл, что природа, что жизнь развивается по законам логики; он фаза в фазу проследил этот параплелизм — и это уж не Шеллинговы общие замечания, рапсодические, несвязанные, а целая система, стройная, глубокомысленная, резанная на меди, где в каждом ударе отпечаталась гигантская сила» (III, 120). И все же Герцен убежден, что Гегель лишь близко подошел к правильному решению вопроса об отношении мышления к бытию, но не решил его полностью. Причина этого — в идеализме великого немецкого мыслителя, в том, что он «хотел природу и историю как прикладную логику, а не логику как отвлеченную разумность природы и истории» (ІІІ. 120). Герцен отверг исходный идеалистический пункт гегелевской системы — признание идеи абсолютным prius'ом *. Для Гегеля природа есть «инобытие идеи», ее свободное порождение, «отчужденный от себя дух». Такое воззрение решительно отвергается Герценом (XXII, 219). Гегелевский акт «порождения» природы идеей кажется Герцену до смешного нелепым; вслед за Фейербахом он критикует искусственность перехода у Гегеля от идеи к природе, утверждая, что «невыносимый дуализм» мышления и бытия побежден Гегелем лишь теоретически, но «остался на деле» (XXII, 220).

Герцен прочно усвоил диалектический подход к законам развития бытия и мышления. Утверждая, что история развивается путем отрицания старого, борьбы нового с отживающим, Герцен превращал гегелевскую «диалектику отрицательности» в обоснование своих революционных устремлений. Позднее, в «Былом и думах», он назвал философию Гегеля «алгеброй революции» (IX, 23).

Но Герцен ясно видел и то, что у самого Гегеля революционные возможности, заключенные в диалектическом методе, раскрыты и использованы далеко не полностью. Он понимал, что мысль Гегеля была ограничена политическим консерватизмом.

К выступлениям левых гегельянцев в Германии Герцен отнесся сочувственно (II, 223). В выступлениях левогегельянцев в 1840-х годах он склонен был видеть тенденции, ведущие к преодолению того разрыва мысли и действия, который считал одной из характерных черт германского мышления.

^{*} началом (лат.).

БЕРЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гравюра из альбома «Berlin», Берлин, <1855> Музей истории Германии, Берлин

Сегодня был в Берлинском университете (...), и невольно что-то задвигалось в душе, когда я смотрел на сени, по которым ходили и Фихте, и Гегель» (Герцен — друзьям, 8/20 февраля 1847 г.).

Нельзя не сказать еще об одном направлении мысли Герцена, в котором выявилось своеобразное толкование и использование им гегелевской философии. Герцен пытался тогда при помощи этой философии теоретически обосновать закономерность социалистического переустройства общества. Вспоминая впоследствии об этом времени, он писал: «В Москве социализм развивался вместе с гегелевской философией. Союз новой философии с социализмом представить себе не трудно, но лишь в последнее время немцы признали тесную связь науки и революции (...) Нам же, напротив, дуализм противен. Социализм нам представляется самым естественным философским силлогизмом, приложением логики к государству» (VII, 252).

Согласно гегелевской философии, прогрессивный ход истории был необходимым следствием и проявлением внутренней диалектики разума, в силу самой своей природы стремящегося к полному развитию, к осуществлению заключенных в нем возможностей. Все «разумное», по Гегелю, должно было необходимо стать «действительным». Перекинуть отсюда логический мост к социализму было нетрудно: доказательством необходимости социализма оказывалась его разумность.

Конечно, такое «обоснование» социализма — свидетельство исторического идеализма Герцена. Нужно, однако, иметь в виду, что в попытке Герцена соединить «новую философию» с социализмом весьма явственно ощущается стремление использовать сильные стороны немецкой классической философии, в первую очередь диалектику, и французского утопического социализма (критические элементы социалистических и коммунистических теорий). Это дает нам право видеть в такой попытке наряду со всеми ее слабостями и плодотворную тенденцию, развитие которой было, однако, сковано историческим идеализмом.

В 1842 г. Огарев привез Герцену в Новгород книгу Л. Фейербаха «Сущность христианства». О своем впечатлении от этой книги Герцен писал в «Былом и думах»: «Прочитав первые страницы, я вспрыгнул от радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказания, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно нам облекать истину в мифы!» (IX, 27).

«Маскарадное платье», о котором говорит здесь Герцен,— это религиозное понимание мира. Критика, которой Фейербах подверг религию, помогла Герцену порвать с религиозным воззрением и способствовала его утверждению на позициях философского материализма. «Фейербаховская струя» явно ощутима и в герценовской борьбе за «реабилитацию» физического начала в человеке, и в этических воззрениях Герцена. Понимание Фейербахом человека Герцен воспринимал как родственное идеалам воспитания нового человека, провозглашенным утопическим социализмом. П. В. Анненков впоследствии отмечал, что Герцен явился «горячим истолкователем

книги Фейербаха, «связывая, между прочим, открытый ею переворот в области метафизических идей с политическим переворотом, который возвещали социалисты» 10.

Герцен до конца жизни сохранял глубокое уважение к Фейербаху, считал его «одним из умнейших людей» своего времени (XVIII, 93, ср. XXX, 883). В 1855 г. в письме к Ж. Мишле, высоко оценивая его книгу «Renaissance», Герцен писал: «После дивного творения Фейербаха ("Wesen des Christen (tums)") я не знаю ничего, что бы с такой силой способно было отрезвить люцей от богословия» (XXV, 241).

Признавая большую роль Фейербаха в развитии передовой русской мысли середины XIX в., Герцен в то же время понимал, что представителям этой мысли «не нужно было, чтоб Фейербах разболтал тайну Гегелева учения, чтоб понять ее» (V, 221). Хотя Фейербах и помог Герцену понять «тайну Гегелева учения», он понял ее шире и глубже, чем немецкий материалист.

Углубленное изучение истории Германии, немецкой философии и литературы столкнуло мысль Герцена с одним из своеобразных исторических «парадоксов», а именно с тем фактом, что в условиях общей отсталости и застойности общественно-политической жизни того или иного народа некоторые области его культуры могут достичь высокого уровня развития. Такое несоответствие между состоянием социальной «почвы» развития культуры и уровнем самой культуры Герцен находил в Германии XVIII — начала XIX в. «Судьбы Германии жалки и пошлы в XVIII веке»,— записал он в дневнике после чтения «Истории XVIII столетия» Шлоссера (II, 301). И в другой дневниковой записи: «Германия вообще, потративши всю силу на бой за религию, на Тридцатилетнюю войну, ниже всей Европы в развитии гуманном». И перед Герценом вставал вопрос: «Как согласить такую почву с литературой, вскоре имевшей Лессинга, Гете и Шиллера?» (II, 300).

Ответ на подобного рода вопрос мог быть найден только при материалистическом подходе к истории, дающем возможность раскрыть сложные глубинные связи между социальной почвой и вырастающей на ней культурой. Нас не должно удивлять поэтому, что в 1840-х годах Герцен не нашел решения вопроса, «где и как прозябали зародыши, распустившиеся вдруг, откуда столько сил у Германии, изнуренной войнами?» (II, 303).

Герцен признавал, что Германия в XVIII—XIX вв. выдвинула «свою мысль, свое искусство — обширное и великое» (II, 208). Но эта немецкая культура представлялась ему выращенной «в кабинете». Отличительной чертой немецкого ума Герцен считал удаленность «от практических сфер», и потому он особенно выделял и ценил те явления немецкой культуры, которые выходили за рамки «кабинетного» мышления, в которых чувствовалась практическая, общественная устремленность. Так, он чрезвычайно высоко оценил творчество Форстера. Он писал в дневнике о Форстере: «Удивительная натура: всесторонняя гуманность, пламенное желание практической деятельности, энергия его резко отличают от германцев того времени» (II, 330). Форстера Герцен считал прямым продолжателем Лессинга, в котором видел одного из замечательнейших деятелей европейской культуры.

«Громадные пробуждения», которые имела Германия в прошлом (Лейбниц, Лессинг, Гете) (II, 372), развитие философской мысли в XIX в. и тенденции «выхода» немецкой философии в жизнь, проявления революционного протеста в среде немецких рабочих, распространение социалистических и коммунистических идей, в частности высоко оцененных Герценом идей В. Вейтлинга,— все это возбуждало у Герцена в 1840-х годах надежду на то, что «спящая», «кабинетная» Германия вступает в новый период своего развития— период политических и социальных преобразований.

* * *

Германия была первой западноевропейской страной, которую увидел Герцен, переехав русскую границу. Он вспоминал впоследствии, что в нетерпении оказаться наконец в Париже — в городе, о котором мечтал с детства,— он на пути смотрел на все «полурассеянно, мимоходом» (X, 16). Действительно, его впечатления от Германии, отразившиеся в письмах к друзьям и в начале «Писем из Франции и Италии», беглы и отрывочны. Он воспринял Берлин как «одно из больших соустий всемирного кровообращения» (XXIII, 8), посетил берлинские музеи и театры, побывал в Берлинском университете, где при виде вестибюля, по которому ходили Фихте и Гегель, у него «невольно что-то задвигалось в душе» (XXIII, 9); он восторженно отозвался о Кельне и его памятниках, отметил промышленную оживленность Эльберфельда, но, в общем, кратковременная встреча с Германией (где он прожил немногим более месяца) не оставила значительных следов ни в его памяти, ни в его произведениях. Единственным берлинским знаком-

ством, продолжавшимся затем еще несколько лет, было знакомство (по рекомендации Н. П. Огарева) с немецким филологом и искусствоведом Г. Мюллером-Стрюбингом.

В первые месяцы за границей (во Франции и в Италии) круг новых знакомств Герцена был невелик. В конце марта 1847 г. он познакомился с Г. Гервегом, которому передал рекомендательное письмо Огарева, и вскоре встречи их стали довольно частыми. Осенью того же года Гервег познакомил его с немецким публицистом Р. Е. Зольгером, полемика с которым стала в 1850—1851 гг. одним из интереснейших эпизодов публицистической деятельности Герцена.

Февральская революция 1848 г. и провозглашение республики во Франции были восприняты Герценом как события общеевропейского значения, как мощный толчок всему европейскому революционному движению, которое он считал тогда движением к социализму. Революционные события в Германии в 1848 г. он рассматривал поэтому в связи с развитием революции во Франции, как отклик на нее, как ее порождение. Точно так же неудачу революционного движения в Германии он связывал с поражением революции во Франции и объяснял в конечном счете тем, что Западная Европа оказалась «неспособной» к социалистическим преобразованиям. «Революция,-- писал он в письме двенадцатом цикла «Письма из Франции и Италии»,-- была побеждена не в Вене, не в Берлине, а в Париже...» (V, 199). Революция 1848—1849 гг. в Германии с меньшей силой и трагичностью, чем революция во Франции, но столь же убедительно, как и эта последняя, показала, по мнению Герцена, что «политическая революция и различные формы представительного правления не могут решить коренной вопрос современности — вопрос социального преобразования. Берлин, Вена, - писал Герцен, - обрадовались было своим хартиям и представительным собраниям, но быстро изжили эту радость и теперь не удовлетворятся никакой хартией, ни данной, ни взятой, они сделались для немцев то, что для человека игрушка, о которой он мечтал ребенком» (VI, 74). Поражение революции в Германии стало, таким образом, одним из источников пессимизма и скептицизма Герцена.

1848 год во многом изменил внешний строй жизни Герцена в Париже. В это время его дом широко посещают революционные эмигранты из разных стран, особенно из Германии. В конце 1848 г. Герцен знакомится с М. Гессом, в начале 1849 г. возобновляет знакомство с приехавшим в Париж Г. Мюллером-Стрюбингом, знакомится с Ф. Каппом, А. Руге и К. Блиндом, а летом того же года — с Ю. Фребелем и Л. Бамбергером.

В среде германской демократии имя Герцена в начале 1850-х годов пользовалось уже довольно широкой известностью. Сообщения о сочинениях Герцена начали появляться в Германии в 1840-х годах. Они носили еще целиком информативный характер, повторяли оценки, данные в русских источниках и, по существу, не выделяли Герцена из общей картины современной русской литературы 11.

Весной 1850 г. в Гамбурге в издательстве «Hoffmann und Campe» вышла книга Герцена «Vom anderen Ufer». Перевод был выполнен Герценом и Каппом, которому Герцен диктовал понемецки с русского оригинала. В литературном редактировании перевода участвовал Гервег. В эту книгу были включены статьи «К Георгу Гервегу» (почти одновременно опубликована пофранцузски под названием «La Russie») и «К Джузеппе Маццини». В том же году тем же издательством была выпущена книга «Briefe aus Italien und Frankreich» (1848—1849). Текст перевода Герцен также продиктовал Каппу с русского оригинала, но корректур Герцен не держал, считая, что «Письма» переведены Каппом «довольно плохо» (XXIV, 37) *.

С появлением немецкого издания «С того берега» Герцен приобрел в Германии известность не только как талантливый русский беллетрист, но и как оригинальный публицист и мыслитель. Взгляды автора на революционные события 1848 г. и перспективы дальнейшего развития Европы стали предметом широкого обсуждения в немецкой печати. В 1855 г. во введении к русскому изданию «С того берега» Герцен писал: «В начале 1850 г. книга моя сделала много шума в Германии; ее хвалили и бранили с ожесточением, и рядом с отзывами, больше нежели лестными, таких людей, как Юлиус Фребель, Якоби, Фальмерайер, — люди талантливые и добросовестные с негодованием нападали на нее» (VI, 9).

Особенно большая роль в распространении и обсуждении герценовских идей принадлежала издававшемуся в Штутгарте демократическому журналу под редакцией Колачека «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben».

^{*} В немецком переводе немало важных разночтений и дополнений, явно сделанных Герценом и представляющих огромный интерес.

В 1850 г. журнал поместил обширную рецензию известного немецкого ориенталиста Я. Ф. Фальмерайера. В книге Герцена Фальмерайер увидел прежде всего то, что было близко его собственному настроению — скептицизм, неверие в возможности западноевропейской демократии. Именно скептические и пессимистические мотивы «С того берега» были подчеркнуты и выдвинуты на первый план в рецензии Фальмерайера.

В цитированных выше строках Герцен упомянул лестные отзывы о его работе также немецкого ученого и путешественника Ю. Фребеля. Очевидно, он имел в виду выступление Фребеля, эмигрировавшего в 1849 г. в Америку и жившего в Нью-Йорке, с лекциями, в которых он говорил и о книге Герцена. Об этих лекциях Герцену сообщил находившийся тогда в Нью-Йорке Капп. 30 мая 1850 г. Герцен, сообщая Гервегу о том, что получил длинное и очень интересное письмо от Каппа, писал: «Фребель прочел несколько страниц из «Vom) and (eren) Ufer» в своих лекциях о революционном движении в Европе; он изложил мои взгляды на Россию, и все это вызвало несколько газетных статей...» (XXIV, 70). В лекциях Фребель не назвал имени Герцена, но оно было упомянуто в подзаголовке при публикации осенью 1850 г. в органе немецкой демократической эмиграции в Америке «New-York Abend-Zeitung» статьи «Эпилог 1849», опубликованной несколько позднее (в конце 1850 г.) также в журнале Колачека.

Взгляды и настроения, выраженные в «Vom anderen Ufer», встретили в немецкой печати и возражения. Своим «самым остроумным противником» Герцен назвал демократического общественного деятеля и публициста Зольгера, с которым, как упоминалось выше, он познакомился в 1847 г. в Париже. Зольгер был автором цикла передовых статей в «Deutsche Monatsschrift...», полемически направленных против идей Герцена в книге «С того берега». Передовая статья в № 12 журнала, называвшаяся «Крушение», привлекла к себе внимание Герцена. Полемические удары Зольгера были направлены против скептицизма Герцена и в первую очередь против неверия в революционно-социалистические возможности народных масс. В герценовских оценках народного движения как стихийного, ограниченного стремлением оградить от покушений паразитирующего меньшинства заработанный массами кусок хлеба Зольгер усмотрел «аристократический эгоизм». Герценовскому убеждению в том, что в настоящее время вера в социализм неизбежно отдаляет передового, образованного человека от масс, Зольгер противопоставлял призыв идти к народу.

Статья Зольгера, очевидно, задела Герцена за живое. Это неудивительно — ведь речь шла о таких важнейших проблемах, как выбор линии поведения в исторической ситуации, сложившейся после поражения революции 1848 г., и оценка современных революционных возможностей масс. Свое отношение к статье Зольгера Герцен высказал в письме к Колачеку от 12 февраля 1851 г.: назвав ее «пылкой и талантливой», он решительно отверг упрек в том, что проповедует «аристократический эгоизм». Разъясняя свою позицию, Герцен писал, что она выражала неверие в прежние революционные пути, т. е. в пути политических изменений, но не была изменой революционному делу. Герцен сообщал Колачеку, что намерен позже ответить Зольгеру в журнале (см. XXIV, 163). Через месяц в письме к тому же Колачеку Герцен вновь подчеркнул несправедливость упреков, адресованных ему Зольгером, и добавил, что хотел бы «многое написать на эту тему», чтобы опровергнуть обвинения Зольгера (см. XXIV, 167).

Своего намерения Герцен не осуществил, но он кратко ответил Зольгеру в тринадцатом письме цикла «Писем из Франции и Италии». Оправдывая и объясняя мнения, высказанные в книге «С того берега», Герцен писал: «Мы и теперь можем быть сильны только в борьбе с книжниками и фарисеями консервативного и революционного мира. Оставить речь с ними и обратиться к народу — великое дело, но мы не сумеем» (V, 208).

В полемике с Зольгером, конечно, сказались глубокий скептицизм и пессимизм Герцена после поражения революции 1848 г. Но Герцен был прав, отвергая адресованные ему Зольгером упреки в проповеди «всеотрицающего индивидуализма». Немало верного было и в герценовских взглядах на массовое революционное движение в Европе в конце 1840-х годов. Недаром при встрече с Герценом в 1852 г. Зольгер признал его правоту в оценке послереволюционной Европы.

Отрицательное отношение к ряду идей «С того берега» не помешало Зольгеру высоко оценить вышедший в немецком переводе роман Герцена «Кто виноват?». В рецензии, напечатанной в «Deutsche Monatsschrift...», он подверг детальному анализу герценовский роман. Находя в романе ряд художественных недостатков, Зольгер вместе с тем подчеркивал прогрессивность его идейного содержания и противопоставлял его литературе, выражающей традиции отмирающего мировоззрения.

Rußlands Novellendichter.

Uebertragen und mit biographifch-fritifchen Ginleitungen

Dr. Wilhelm Wolfsohn.

Dritter Theil. Alexander, bergen.

Leipzig: F. M. Brodhaus,

Wer ist Schuld?

2301

Mlerander Bergen.

Bluffifde Dopellen. II

ПОСВЯЩЕННЫЙ ГЕРЦЕНУ ВЫПУСК НЕМЕЦКОЙ СЕРИИ СБОРНИКОВ «РУССКИЕ ПРОЗАИКИ»
Лейпциг, 1851

В сборнике напечатан роман «Кто виноват?» и очерк о Герцене (переводчик и автор очерка — В. Вольфзон Титульный лист сборника и шмуцтитул

Рецензируемый Зольгером немецкий перевод «Кто виноват?» (1851) вышел в лейпцигском издании Ф. Брокгауза. Он был выполнен В. Вольфзоном, который в 1845 г. встречался с Герценом в Москве и был хорошо осведомлен о его литературной деятельности. В обширном предисловии к роману Вольфзон дал высокую оценку Герцену как писателю и человеку и философским работам Герцена.

На немецкое издание романа «Кто виноват?» отозвалась и газета «Ецгора», в которой была помещена анонимная рецензия, озаглавленная «Русский романист». Рецензент находил, что роман интересен главным образом как плод вдумчивого наблюдения и остроумного освещения реальной жизни, но что ему недостает художественного вымысла и художественной цельности 12.

Вольфзон намеревался перевести и другие произведения Герцена, в том числе «Долг прежде всего», но это его намерение осталось неосуществленным.

В январе — мае 1851 г. в журнале А. Колачека был опубликован немецкий перевод «О развитии революционных идей в России». Отдельное немецкое издание этой книги Герцена вышло в издательстве «Hoffmann und Campe» в 1854 г. с некоторыми изменениями в тексте и с измененным по цензурным соображениям названием «Russlands soziale Zustände von Alexander Herzen, Verfasser des «Vom andern Ufer» und der «Briefe aus Italien und Frankreich».

Почти сразу же после выхода книги в свет она была изъята в Пруссии у всех книгопродавцев. Сообщая о конфискации книги, «Kölnische Zeitung» обрушилась на Герцена с нападками, утверждая, будто книга служит завоевательным планам русского царизма (см. XXV, 187). Герцен послал в редакцию газеты открытое письмо с резкими возражениями против выдвинутых по его адресу обвинений.

Сведения о деятельности Вольной русской типографии в Лондоне проникают в Германию начиная с 1853 г.

Немецкий перевод «Былого и дум», выполненный Мальвидой Мейзенбуг, был выпущен гамбургским издательством «Hoffmann und Campe» в 1855—1856 гг.

В немецком переводе были опубликованы также «Записки» Е. Р. Дашковой с предисловием Герцена (1857), брошюра Герцена «Франция или Англия?» (1858), сборники «Прерванные рассказы» (1858) и «14 декабря 1825 и император Николай» (1858).

Издание в 1850-х годах сочинений Герцена в немецком переводе, их распространение и обсуждение в германской печати свидетельствуют о большом интересе к деятельности Герцена в широких кругах общественности Германии. Как упоминает в своих мемуарах Мейзенбуг, имя Герцена она впервые услышала из уст одного своего приятеля-рабочего, который принес ей «С того берега» и сказал при этом: «Тот, кто это написал, тоже из наших». И, несомненно, издатель Кампе был прав, когда, по свидетельству Мейзенбуг, писал ей по поводу издания «Записок» Дашковой с предисловием Герцена: «Все, что бы вы ни перевели из сочинений Герцена, я безусловно приму, потому что он завоевал себе право гражданства в немецкой литературе» ¹³.

С конца 1850-х годов популярность Герцена в Германии заметно падает; в немецкой печати с каждым годом все громче звучат враждебные Герцену голоса. Такое изменение тона немецкой прессы объясняется в первую очередь тем, что широкие круги либерально настроенной буржуваной демократии в Германии с одобрением отнеслись к реформаторской политике Александра II и не принимали герценовской критики царских реформ. Отрицательную реакцию вызывали у них и социалистические идеи автора «Былого и дум». Значительную роль в нарастании враждебности к Герцену сыграли пасквильные брошюры Шедо-Ферроти «Письмо к г. Герцену» (1861) и «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти» (1862).

Отрицательное отношение к Герцену-революционеру сказалось и в некоторых откликах в Германии на смерть Герцена. Так, буржуазная «Kölnische Zeitung», признавая большое влияние Герцена на его соотечественников и услуги, оказанные им делу гуманности и прогресса в России, вместе с тем осуждала его «революционные заблуждения» и его «безграничный радикализм» (Л XXI, 574).

Другие органы печати дали более верную оценку Герцена, например орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза «Sozial-Demokrat». Автор некролога видел в Герцене «одного из самых ревностных и самоотверженных передовых борцов за демократию» ¹⁴.

* * *

В послесловии ко второму изданию «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов» (1875) Маркс писал: «Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, в особенности выброшенных с отечественной арены в изгнание, такое потрясение, которое даже сильных людей делает на более или менее продолжительное время, так сказать, невменяемыми. Они не могут разобраться в ходе истории, не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат» ¹⁵.

Эту своеобразную консервативность мышления, свойственную эмигрантам, оказавшимся в Лондоне после поражения революции 1848 г., Герцен ощущал особенно остро, потому что самому ему всегда было присуще стремление уловить и осмыслить движение общественной жизни, претворить совершающиеся события «в ткань мысли». О лондонских эмиграциях (в том числе и о немецкой) он говорил, что они, как версальские часы, не заведенные после смерти Людовика XV, «показывают одно событие, одну кончину какого-нибудь события» (XI, 33). Не раз он с грустью констатировал и то, что в трудных условиях эмигрантской жизни в отношения между людьми чрезвычайно легко вторгаются горечь, нетерпимость, озлобление. Но, справедливо отмечая свойственное эмиграциям особенно резкое расхождение между отдельными групнами и «оттенками партий», Герцен далеко не всегда был прав в своих суждениях о характере взглядов и деятельности той или иной «группы», тех или иных личностей. Об этом свидетельствуют и глава «Былого и дум» «Немцы в эмиграции», и многие характеристики, данные Герценом отдельным представителям немецкой эмиграции.

Та часть немецкой эмиграции, с которой непосредственно сталкивался Герцен, представляла в основном мелкобуржуазную демократию. Верно подметив некоторые отрицательные черты, свойственные немцам из среды мелкобуржуазной демократии,— национализм, фразерство, сектантство и др.,— Герцен склонен был порой придавать этим чертам преувеличенное значение при оценке отдельных немецких эмигрантов. Так, в явно шаржированном виде представлен в «Былом и думах» Г. Мюллер-Стрюбинг.

К «лучшим из немецких изгнанников», к людям «энергическим», «чистым», «умным» Герцен относил К. Шурца и А. Виллиха. Оба они принимали участие в Баденском восстании, а в дальнейшем уехали в Америку (см. XI, 150). Показательно, что Маркс, в начале 1850-х годов резко осуждавший Виллиха как лидера сектантско-авантюристской фракции, отколовшейся от Союза коммунистов, впоследствии судил его мягче и отмечал, что своим участием в североамериканской Гражданской войне на стороне северян Виллих доказал, «что он нечто большее, чем просто фантазер» 16.

Имена большей части немецких эмигрантов, с которыми так или иначе соприкасался Герцен, были ему до выезда за границу неизвестны. К числу тех немногих лиц немецкой эмиграции, о которых у него сложилось более или менее определенное мнение еще в России, принадлежал А. Руге.

В 1840-х годах Герцен весьма высоко оценивал «Deutsche Jahrbücher», издаваемые под редакцией Руге; вспоминая об этом времени в «Былом и думах», он писал, что в изданиях Руге он и его друзья «черпали философский радикализм» (XI, 151). В июне 1849 г. в Париже он часто встречался с Руге; оба они принимали участие в демонстрации 13 июня. В дальнейшем у Герцена сложилось отрицательное отношение к Руге.

Посетив в 1852 г. Руге в Брайтоне, Герцен нашел его «брюзгливым стариком, озлобленным и элоречивым» (XI, 151). Плохими, по мнению Герцена, были и лекции о философском движении в Германии, прочитанные Руге в Лондоне в 1853 г. Крайне неприятное впечатление произвела на Герцена рукопись трагедии «Die neue Welt», в сюжете которой Руге пытался отразить семейную драму Герцена; он увидел в этой трагедии апологию Гервега и с возмущением написал об этом автору. В ответном письме Руге отверг герценовский упрек (см. XXV, 417; ср. Л VIII, 20—21). Спор по поводу трагедии не отразился, очевидно, на их отношениях: в 1854 г. Герцен послал Руге немецкое издание «О развитии революционных идей в России». Руге отнесся к книге резко отрицательно: в письме к Герцену он обвинял его в национализме и рьяно защищал «германский мир», в который почему-то включал даже Англию и Америку (см. Л VI, 677—678).

В «Былом и думах» Герцен отозвался о Руге иронически, с явным удовольствием повторив отзыв о нем Гейне как о «привратнике гегелевской философии» (IX, 19); в другом месте мемуаров он назвал Руге и К. Вердера «великими бездарностями гегелизма» (X, 326).

Связи Герцена с немецкими эмигрантами были довольно обширными, но не особенно близкими. Исключение составляют его отношения с тремя личностями — Г. Гервегом, К. Фогтом и Мальвидой Мейзенбуг.

«Кроме одинакового или очень близкого пониманья общих дел, в нас мало было сходного»,—писал Герцен о себе и Гервеге (X, 250). Действительно, они были очень разными людьми — разными по воспитанию, по характеру, по складу ума, по жизненным привычкам. И Герцен был совершенно прав, когда объяснял свое сближение с Гервегом в первую очередь тем, что время, в которое они сблизились, «не было обыкновенное» (X, 236).

В тяжелейшие дни, переживавшиеся Герценом послє поражения революции 1848 г., в дни горьких разочарований, мучительных сомнений, бессильного гнева и негодования, когда человек постоянно «в лихорадке», «с воспаленным мозгом», в самом деле «страшную силу» приобретали «каждое слово симпатии, каждая слеза того же горя, каждая брань той же ненависти» (X, 237—238). Обманутые надежды на революцию, ненависть к перешедшей в наступление реакции, стремление найти в дружеском кругу сочувствие и понимание сблизили на время таких разных людей, как Герцен и Гервег. Герцен увидел в Гервеге единомышленника, он отнесся к нему как к человеку, «понимающему» его «заветные мысли» (X, 239), и это ощущение сочувственного понимания со стороны Гервега заслонило на какое-то время от Герцена самого человека. Гервег как поэт никогда, в сущности, Герцена не интересовал.

Необходимейшим условием сближения с людьми для Герцена всегда было единомыслие. Разумеется, полное единомыслие оказывалось практически недостижимым, но наличие одинаковых или сходных взглядов в каких-то областях создавало возможность для сближения. Так, защита материалистического взгляда на природу стала тем основным «грунтом», на котором сложилось дружеское отношение Герцена к Фогту. «Мы встретились, — писал Герцен, — на трезвом совершеннолетии в науке» (X, 171). Работы Фогта он ценил именно за их материалистические идеи: «Последнее слово Фогтовой физиологии, — утверждал он, — отрицание души» (XII, 277). Однако Герцену была чужда фетишизация мировоззренческой роли естествознания. Выдвинутый

им еще в 1840-х годах тезис о союзе философии и естествознания сохранял для него свое значение и в последующие десятилетия. В этом вопросе Герцен расходился с Фоттом, который чувствовал к философии «непреодолимое отвращение» (X, 170). Не случайно Герцен писал сыну, жившему одно время в семье Фогта: «Насчет занятия, разумеется, надобно слушать Фогта, но о философии он говорит все же вздор» (XXVI, 215).

Ценя в Фогте материалистически мыслящего ученого, Герцен вместе с тем видел, что «научная свобода» сочетается, у Фогта с рядом типично буржуазных предрассудков и традиций в быту и в образе мыслей: «Фогты,— писал он А. А. и Н. А. Герценам,— отличные и умные, замечательные и дельные буржуа,— но буржуа» (ХХХ, 124).

Своеобразное место в жизни Герцена заняли его отношения с Мальвидой Мейзенбуг. Герцен не без колебаний согласился поручить ей воспитание детей. С большой долей уверенности можно считать, что он никогда не решился бы ввести в свой дом сравнительно мало знакомую ему, и притом нерусскую, женщину, если бы не почувствовал в ней жизненные установки, в какой-то мере ему близкие и родственные. Демократизм Мейзенбуг, ее отрицательное отношение к религии, ее интерес к России вселяли в Герцена надежду на возможность дружеской близости между ними. В вюне 1853 г. он писал Мейзенбуг: «Дружба ваша деятельна, только такую дружбу я и понимаю, только на такую я способен (...) Пассивную дружбу можно найти повсюду, дружбу умозрительную (...), дружбу единоверцев также, но все это неопределенно, абстрактно. Горячо благодарю вас поэтому за то, что вы напомнили мне о существовании иной симпатии, более человечной и более личной среди той vacuum horrendum *, которой мы окружены в мире» (XXV, 75).

Одним из наиболее важных для Герцена проявлений «деятельной дружбы» Мейзенбуг стала ее работа над переводами его сочинений. Работа эта во многом способствовала ознакомлению немецкой интеллигенции с идеями и деятельностью Герцена.

Жизнь в доме Герцена, широкое духовное общение с ним позволили Мейзенбуг близко соприкоснуться с его задушевными мыслями, стремлением и идеалами; она испытала на себе влияние его идей. Общению с Герценом она обязана, в частности, интересом к русской литературе; Герцен же постоянно помогал ей в работе над переводами русских писателей.

При всем глубоком уважении Мейзенбуг к Герцену, сказавшемся в чрезвычайно высоких оценках его личности и его деятельности, многое в Герцене осталось ею непонятым. В ее отношениях с Герценом давали себя чувствовать глубокие различия между ее экзальтированным «идеализмом» и трезвым, реалистическим мировосприятием русского революционера.

* * 4

Немецкая культура — в первую очередь литература и философия — занимала значительное место в идейном развитии Герцена и в годы эмиграции. Но теперь в его размышлениях о ней обнаруживаются новые аспекты.

«Былое и думы» подвели своеобразный итог свойственным Герцену с юных лет попыткам «разобраться» в своем духовном развитии, уяснить его направление и этапы, определить характер и степень влияния на него тех или иных идей, лиц, событий. Значение, которое имела в умственном и эмоциональном развитии Герцена немецкая культура, было раскрыто здесь с наибольней полнотой.

Собственное идейное развитие было для Герцена частью духовной истории его поколения, частью истории русской общественной мысли XIX в. Эта история стала предметом его пристального внимания в эмиграции. В произведениях Герцена («Du développement des idées révolutionnaires en Russie», «Былое и думы») впервые была показана роль немецкой философии и литературы в развитии русской мысли 1830—1840-х годов.

Одним из вопросов, занимавших мысль Герцена во время его жизни в Западной Европе, бы л вопрос о национальном характере отдельных народов, об отражении этого характера в творчестве выдающихся деятелей культуры, о связях между этими деятелями и их народом. С такой точки зрения подходит теперь Герцен и к оценке виднейших представителей немецкой литературы и философии.

Интересна в этом отношении характеристика Гете, данная устами одного из собеседников в диалоге «Consolatio» («С того берега»). Гете, говорит он, «представляет усиленную, сосредоточенную, очищенную, сублимированную сущность Германии, он из нее вышел, он не был

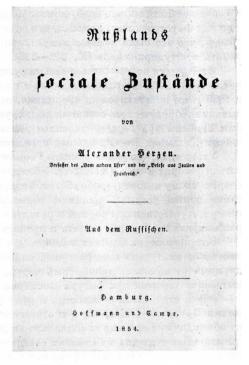
^{*} ужа сающей пустоты (лат.).

бы без всей истории своего народа, но он так удалился от своих соотечественников в ту сферу, в которую поднялся, что они не ясно понимали его и что он, наконец, плохо их понимал» (VI, 103). Что именно означали слова о «сублимированной сущности» народа, выражаемой художником, поясняют высказывания в «Былом и думах» о народности художника. По убеждению Герцена, художник в своем творчестве «выражает, волею или неволею, какие-нибудь стихии народного характера и выражает их глубже и яснее, чем сама история народа». Примером и здесь служит для Герцена Гете — «немец и в греческой "Ифигении" и в восточном "Диване"» (IX, 37).

Для характеристики того, как подходил Герцен в 1850—1860-х годах к творчеству крупных деятелей немецкой культуры, чрезвычайно показательна небольшая главка VIII части «Былого и дум» — «Zu deutsch» (1867), написанная под впечатлением от «Переписки» Г. Гейне.

Письма Гейне вызывают у Герцена ряд упреков в адрес поэта — упреков, в которых порой сквозит даже раздражение. Письма Гейне кажутся Герцену мелкими, он усматривает в них «безмерное, оскорбительное самолюбие» (XI, 446).

Далеко не все эти упреки можно признать справедливыми. Самым важным и интересным в «Zu deutsch» представляется, однако, тот главный угол зрения, под которым рассматривает теперь Герцен творчество немецкого поэта. В дни юности он увидел в Гейне представителя нового, «земного» направления немецкой литературы. Теперь и это направление представляется ему недостаточно «земным», ибо и Гейне, которому «было противно на ярко освещенной морозной высоте, на которой величественно дремал под ста-

«О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ»

Первое отдельное издание на немецком языке под измененным названием «Социальное положение России»

Гамбург, 1854

Титульный лист

Музей Герцена, Москва

Сразу по выходе книга была изъята из продажи. Сохранились лишь отдельные ее экземпляры

рость Гете», «ниже книжного магазина не опустился». «Ни Гейне, ни его круг народа не знали, и народ их не знал» (XI, 444—445). Значение этих слов Герцена выходит далеко за пределы оценки Гейне — они относятся, в сущности, ко всей немецкой литературе конца XVIII — первой половины XIX в.

Новый элемент входит и в отношение Герцена к Шиллеру и Гете: с особой остротой ощущает он теперь отсутствие в творчестве корифеев немецкой литературы тех трагических мотивов, той «разорванности», которые свойственны, по его мнению, мироощущению современного человека. «Реалист Гете, так же как романтик Шиллер, этой разорванности не знали. Один был слишком религиозен, другой слишком философ. Оба могли примиряться в отвлеченных сферах» (Х, 122).

Но сама эта способность «примиряться в отвлеченных сферах» была в глазах Герцена выражением определенных «стихий» народного характера. Существеннейшей особенностью национального характера немцев Герцен считал разрыв между мыслью и делом, между свободой теоретического мышления и филистерством в практической жизни. В «Былом и думах» он писал: «Самые радикальные люди между немцами в частной жизни остаются филистерами. Смелые в логике, они освобождают себя от практической последовательности и впадают в вопиющие противоречия» (X, 83). Подобные утверждения встречаются и в других работах Герцена.

Подтверждение своим взглядам на немецкий национальный характер Герцен видел и в неудавшихся германских революциях 1848 г.: помимо тех общих причин неудачи революции, которые Герцен усматривал в «неспособности» Западной Европы в середине XIX в. решить «социальный» вопрос, ход и итоги революции обнаружили, по его мнению, своственный немцам разрыв между теорией и практическим действием. «В сороковых годах, — писал Герцен, — умы

в Германии были сильно возбуждены. Можно было ожидать, что народ этот, поседевший за книгой, как Фауст, захочет, наконец, как он, выйти на площадь посмотреть на белый свет. Мы знаем теперь, что это были ложные потуги, что новый Фауст из Ауэрбахова погребка возвратился вспять в штудирциммер» (X, 242—243).

От Герцена не укрылись и весьма существенные изменения в направлении умов в Германии после 1848 г. На его глазах уходила в прошлое слава немецкой классической философии; уже в 1855 г. он констатировал: «Германия, которой единственная деятельность состояла в высказывании теоретического сознания людей, умолкла» (XII, 277). К входившей тогда в моду философии Шопенгауэра Герцен относился резко отрицательно: он видел в Шопенгауэре «философа смерти», называл его «идеальным нигилистом, буддистом и мертвистом» (XXVII, 266).

Утверждая, что «философская» Германия «умолкла», Герцен добавлял: «Одни естествоиспытатели говорят в ней» (XII, 277). Убежденный в том, что «без естественных наук нет спасения современному человеку», ибо «без этой здоровой пищи, без этого строгого воспитания мысли фактами» можно уступить влиянию релитии и мистики, Герцен приветствовал обозначившийся интерес к естественным наукам и развитие этих наук. Работы немецких естествоиспытателей рассматривались им как защита и пропаганда материалистического мировоззрения.

В герценовских оценках положения в Германии после 1848 г. с течением времени все более явственно выступала тема растущей милитаризации страны. Герцен видел, что немецкая «штудирциммер» начинает приобретать черты, напоминающие казарму, а кабинетного мыслителя вытесняет угрожающая фигура Бисмарка.

Резко отрицательно относясь к происходящему на его глазах процессу «завоевания Германии Пруссией» (XIX, 68) и к агрессивной политике Бисмарка, Герцен, однако, был далек от понимания сущности тех социально-экономических и политических преобразований, которые стояли на очереди дня в Германии середины XIX в., и тех путей, которыми эти преобразования могли быть осуществлены. Здесь, как и в оценках революции 1848 г., сказались свойственные мысли Герцена надклассовые иллюзии, выступающие особенно ясно при сопоставлении его позиции с оценками исторической ситуации 1850—1860-х годов Марксом и Энгельсом.

Имя Герцена было известно Марксу, по всей вероятности, еще до приезда Герцена в Лондон: в письме к Энгельсу от 28 сентября 1852 г. Маркс упоминал о том, что «Герцен здесь» ¹⁷.

Внимание Маркса и Энгельса привлекла французская брошюра Герцена «О развитии революционных идей в России», с которой они познакомились вскоре после выхода ее в свет. Из писем Маркса к Энгельсу можно заключить, что он получил эту брошюру от К. Блинда, посещавшего в 1853 г. Герцена в Лондоне, и передал ее Энгельсу. В письме к И. Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г. Энгельс, высказывая мнение, что «дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна», иронически упомянул в этой связи о книге Герцена. «Г-н Герцен, — писал Энгельс, — весьма облегчил себе задачу ("О развитии революционных идей в России"), гарантировав себя от неудач тем, что погегелевски сконструировал демократически-социально-коммунистически-прудонистскую русскую республику под главенством триумвирата Бакунин — Герцен — Головин» 18.

Резко отрицательно оценил Энгельс и опубликованное в 1854 г. в «Daily News» воззвание Герцена «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше» ¹⁹.

В конце 1850-х годов Маркс и Энгельс внимательно следили за развертывавшимся в России движением за освобождение крестьян. В этой связи они проявляли интерес к изданиям Вольной русской типографии. В 1858 г. Маркс, очевидно, читал изданную в Лондоне брошюру Герцена, в которую вошли статьи «Русский заговор 1825 года» и «Первый шаг к освобождению крепостных крестьян в России». 29 апреля 1858 г. он писал Энгельсу: «Движение за освобождение крепостных в России кажется мне важным, поскольку оно знаменует начало в стране внутренией истории, которая может встать поперек дороги ее традиционной внешней политике. Герцен, разумеется, еще раз сделал открытие, что "свобода" переселилась из Парижа в Москву» 20. В октябре того же года Энгельс просил Маркса достать ему некоторые из новейших изданий Герцена («Голоса из России», «Колокол»), рассчитывая найти в них сведения о событиях в России: «Там, может быть, можно было бы найти материал, хотя вряд ли много, но все же кое-где в корреспонденциях и т. д.» 21.

В настоящее время можно считать в основном выясненными причины неприязненных отношений между Марксом и Герценом. В числе этих причин — и враждебное отношение Маркса к людям, с которыми Герцен поддерживал дружеские отношения (например, к К. Фогту, а позднее — к М. А. Бакунину), и идейные расхождения, в основе которых глубокое принципи-

альное различие между научным социализмом и социализмом утопическим, разновидностью которого был «русский социализм» Герцена.

Главным основанием для резко отрицательного отношения к герценовским взглядам были для Маркса скептицизм и пессимизм Герцена в оценке перспектив революционного движения на Западе и представления Герцена о роли русского «общинного быта» в движении Европы к социализму. Маркс считал несостоятельными надежды Герцена на русскую общину и рассматривал позицию Герцена как панславистскую. Взглядам Герцена на судьбы России и Западной Европы были свойственны черты, в известной мере сближавшие эти взгляды со славянофильством. Однако по существу своему теория «русского социализма» была глубоко отлична от патриархальной утопии, какой являлось объективно славянофильство, и противостояла панславистским устремлениям правящих кругов России.

Следует учитывать, что Маркс не располагал достаточно широкой и объективной информацией, которая позволила бы ему правильно представить себе значение Герцена как теоретика и роль Герцена и «Колокола» в развитии революционного движения в России. Маркс не был знаком с философскими работами Герцена 1840-х годов. Н. И. Сазонов, сообщая в мае 1850 г. Марксу о том, что в Женеве находится его друг Герцен, писал: «Он скорее человек увлечений, чем убеждений, и воображения, чем науки, впрочем очень преданный и очень способный» 22. Крайне пренебрежительно относились к Герцену как теоретику и представители «молодой эмиграции», часть которых составила в дальнейшем русскую секцию I Интернационала. Члены секции, принадлежавшие к «молодой эмиграции», считали себя учениками и последователями Чернышевского и открыто противопоставляли Герцену лидера революционных шестидесятников. Справедливо критикуя либеральные колебания издателя «Колокола», они склонны были представлять эти колебания как законченную либеральную программу, принципиально отличную от революционной программы Чернышевского. С большим основанием можно полагать, что оценка Герцена «молодой эмиграцией» сыграла свою роль в суждениях Маркса о Герцене в 1870-х — начале 1880-х годов. В 1872 г. в письме в редакцию «Gazzettino Rosa» («Еще раз Стефанони и Интернационал») Маркс прямо ссылался на брошюру А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» как на книжку, позволяющую «выяснить, какого отношения к себе заслуживает социалист-дилетант Герцен» 23.

Изучение в 1870-х — начале 1880-х годов проблем русского пореформенного экономического развития, и в частности русских поземельных отношений, могло укрепить Маркса в его мнении о поверхностном, «беллетристическом» характере суждений Герцена насчет русской сельской общины— суждениям этим действительно не хватало теоретического и фактического обоснования. Но за утопическими и «беллетристическими» сторонами герценовского «русского социализма» существовали другие его стороны, действительное значение которых выявилось в дальнейшей истории русского революционного движения в XIX — начале XX в. Опираясь на опыт этой истории, В. И. Ленин раскрыл значение Герцена как мыслителя и роль, сыгранную Герценом в подготовке русской революции. Вместе с тем Ленин показал утопический характер «русского социализма» и выявил связь его с революционными стремлениями крестьян к равенству, к полному уничтожению помещичьей собственности на землю.

. Оставаясь на позициях утопического социализма, Герцен, в свою очередь, не смог понять значение революционной и научной деятельности Маркса и Энгельса ²⁴. В главе «Былого и дум» «Немцы в эмиграции» он рассматривал Маркса и его ближайшее окружение лишь как представителей одной из мелких групп немецкой эмиграции и обрисовал деятельность Маркса в грубо искаженном виде.

В 1860-х годах под влиянием происходившего тогда в Европе подъема рабочего движения во взглядах Герцена намечаются новые тенденции; скептицизм относительно перспектив революционного движения на Западе начинает уступать место надеждам на растущее сопротивление «работников» господству капиталистов. Надежды эти в значительной мере были связаны с созданием І Интернационала, к деятельности которого Герцен проявлял большой интерес. В «македонской фаланге работников», представленной на «работничьих съездах», он увидел тот «мост», который может соединить передовую теорию с движением масс. Хотя Герцен и не был согласен с рядом решений конгрессов І Интернационала и в понимании некоторых вопросов, обсуждавшихся на конгрессах, расходился с линией, которую проводил в Интернационале Маркс, тем не менее он считал «работничьи съезды» большим шагом вперед в подготовке и организации революционных сил: «Я больше верю, чем когда-нибудь, в успех именно этих социальных сходок», — писал он в 1869 г. по поводу Базельского конгресса І Интернационала. Узнав о намерении Ба-

кунина перевести на русский язык «Капитал», он писал в сентябре 1869 г. Огареву: «Дай бог успеха бакун (инскому) переводу Маркса — я одного не понимаю, почему же он держал под сурдинку свои сношения с ним. Вся вражда моя с марксидами — из-за Бакунина» (ХХХ, 201).

Новые тенденции мысли Герцена наиболее отчетливо сказались в письмах «К старому товарищу». В. И. Ленин отмечал, что Герцен не смог избавиться окончательно от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма, и вместе с тем считал письма «К старому товарищу» шагом вперед по пути к «суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата». Ленин высоко оценил тот факт, что, разрывая с анархистом Бакуниным, Герцен «обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс,— к тому Интернационалу, который начал «собирать полки» пролетариата, объединять «мир рабочий», «покидающий мир пользующихся без работы»!» ²⁵.

* * *

Тема «Герцен и Германия» многогранна. Герценовские оценки общественно-политической ситуации и революционного движения в Германии середины XIX в., его суждения об истории страны и немецком национальном характере, его связи с немецкими эмигрантами, знакомство с идеями и произведениями Герцена в Германии и отклик на них — каждая из этих сторон жизни и деятельности Герцена требует специального и детального изучения.

В обширном круге проблем, охватываемых темой «Герцен и Германия», особо важное, можно даже сказать, доминирующее место занимает проблема «Герцен и немецкая культура». Отношение Герцена к немецкой культуре — не только часть духовной биографии великого русского революционера. Оно интересно и значительно и по своему теоретическому содержанию, философско-историческому смыслу.

Философия истории, сложившаяся у Герцена в 1850—1860-х годах, противостояла взглядам на историю как на процесс прямолинейного движения, где один «исторический» народ передает другому эстафету прогресса. История, по убеждению Герцена, развивается «в разные стороны», складывается из развития разных народов и государств с их своеобразными особенностями. В то же время в истории существует внутренняя связь, единство, преемственность. Герцен многократно повторял, что история основана на «круговой поруке» народов, на передаче выработанных идей от народа к народу, на усвоении исторического опыта народов и извлечении из него уроков. Духовное богатство, накопленное тем или иным народом,— отнюдь не только его достояние; оно, по словам Герцена,— «майорат» всего человечества. Таким «майоратом человечества» была для Герцена передовая культура Германии.

Герцен был революционером не только в том смысле, что он считал необходимым коренное революционное преобразование существующих общественных отношений. Предпосылкой и условием социальной революции было для Герцена революционное изменение сознания, предполагающее в первую очередь освобождение, «очистку» его от устарелых представлений, принятых на веру понятий и принципов, от всего того, что мешает ясности взгляда и трезвости оценок.

Историческое право немецкой культуры на то, чтобы быть «майоратом человечества», Герцен связывал в значительной мере с теми ее элементами, которые могли иметь и имели революционизирующее влияние на развитие общественной мысли. Такую революционизирующую силу он находил и в гегелевской диалектике, и в фейербаховской критике религии, и в протесте Гейне против спиритуализма, и в вольнолюбивых устремлениях шиллеровской драматургии, и в спокойном и глубоком реализме Гете.

Герцен называл себя «реальной натурой» («Я родился совершенно земным человеком»,— писал он в «Былом и думах».— VIII, 288). Начиная с 1840-х годов в его творчестве постоянно — ясно и громко— звучал один мотив: апология «реального», «естественного», «здорового» и соответственно отвращение ко всему спиритуалистическому, мистическому, болезненному. Этот мотив явственно выступает и в герценовском отношении к немецкой культуре.

«Круговая порука» народов, усвоение одним народом культурных завоеваний другого никогда не мыслились Герценом как усвоение автоматическое. Действительное овладение культурным «майоратом» предполагает, по его убеждению, и отбор, и критическую переработку, и извлечение уроков. Примером такой «круговой поруки» народов была в глазах Герцена история передовой русской мысли, усваивавшей достижения западноевропейской, в том числе немецкой, культуры и использовавшей их как трамплин для дальнейшего обогащения культурного «майората человечества». В этой плодотворной работе русской мысли, в развитии идейных связей между культурами России и Германии особенно велика историческая заслуга Герцена.

примечания

¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, II, 6 и 9. ² Карл Людвиг Зан∂ (1795—1820) — студент Иенского университета, убивший в 1819 г. реакционного немецкого писателя, шпиона царского правительства и агента Священного союза Коцебу (р. 1761).

з Из стихотворения А. С. Пушкина «Кинжал».

- 4 T. П. Пассек. Из дальних лет, т. I. M., 1963, с. 121.
- 5 Н. П. О гарев. Избранные социально-политические и философские произведения т. II. М., 1956, с. 22.

6 Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, или Принципы политического права. Гл. І.

(В кн.: Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969, с. 152).

7 Ф. Шиллер. Философские письма. Предисловие И. Х. Ф. Шиллера. (Собр. соч., т. VI. М.—Л., 1950, с. 26).

8 Как справедливо отметил В. М. Жирмунский, уже описание внешности немецкого поэта и его манеры держаться призвано показать эту двойственность (В. Жирмунский. Гете в русской литературе. Л., 1937, с. 339—344).

9 Генрих Гейне. К истории религии и философии в Германии (Собр. соч., т. VI. М.,

1958. c. 53).

10 П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 274.

11 Cm.: Eberhard Reissner. Alexander Herzen in Deutschland. B., 1963, S. 4.

12 Ibid., S. 12—13, 222—231. 13 М. Мейзенбуг. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, с. 223, 365.

14 «Лит. наследство», т. 63, с. 537.
15 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 550.

¹⁶ Там же.

17 Там же, т. 28, с. 124.

18 Там же, с. 487.

- ¹⁹ Там же, с. 290.
- 20 Там же, т. 29, с. 267.

²¹ Там же, с. 298.

²² «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, с. 151.

23 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 82.

²⁴ См. ниже в этом томе сообщение В. А. Смирновой «Некоторые источники информации Герцена о К. Марксе и Ф. Энгельсе (1850—1851)».

25 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

ПЕРЕПИСКА С К. ФОГТОМ

Статья Н. Ю. Колпинского Публикация Л.Р. Ланского Комментарии М. Вюильмье (Женева) и Л. Р. Ланского*

Публикуемая переписка охватывает значительный отрезок жизни Герцена — от мая 1852 до июля 1864 г. Вместе с уже опубликованными письмами — это один из важных источников для его биографии. В этих письмах немало сведений о жизни и деятельности Герцена по временам, правда, отрывочных, сообщаемых как бы мимоходом. По ним можно частично реконструировать и содержание некоторых не дошедших до нас писем.

В чисто биографическом плане публикуемые письма не так уж богаты новыми фактами. Основная ценность их в другом. Они помогают восстановить ту общественно-политическую атмосферу, в которой Герцен жил и творил. Сообщаемые Фогтом факты и отдельные его мысли Герцен порой использовал в своих статьях; с ними перекликаются некоторые абзацы «Былого и дум» (описание обстановки в Швейцарии, характеристика Дж. Фази и т. п.).

Без знакомства с этой и всей остальной перепиской Герцена (а он обменивался письмами с сотнями людей) невозможно понять многие высказывания выдающегося революционера и мыслителя во всей их сложности, а иногда и противоречивости, в частности его отношения с К. Марк-COM.

Карл Фогт (1817—1895) — отнюдь не «проходная» фигура в жизни Герцена. Он был одним из его близких друзей. Семья Фогтов, пожалуй, единственные немцы, о которых с теплотой и уважением писал Герцен в «Былом и думах». О самом Фогте Герцен замечал: «Это не только светлый ум, но и самый светлый нрав из всех виденных мною» (X, 169).

^{*} Все письма Герцена и Фогта, а также комментарии Вюильмые перевел с французского Л. Р. Ланский.